

Каждому ребёнку — семью!

Только-только рассказали во всех СМИ о суровом приговоре, вынесенном в США женщине, погубившей жестоким обращением усыновленного в России ребенка, как появилось сообщение о новой трагедии: там же, то есть в стране, к которой у половины, наверное, наших сограждан еще с советских времен полно претензий, погибла девочка из России двух с половиной лет. 33-летняя мать-убийца призналась, хотя и не сразу, что она «пришла в ярость и разгневалась» на крошку, избивала ее, и та от побоев умерла.

Есть явления, вокруг которых трудно о чем-либо рассуждать, — таково убийство детей.

Но рассуждать придется. Поскольку на другой чаше весов (хотя смерть ребенка не может быть взвешена на наших земных весах) — сотни тысяч российских детей, лишенных семьи, чьи судьбы и личности калечатся и будут калечиться в России.

Наше общество инфантильно. Этот инфантилизм сознательно (подчеркну) воспитывался советской властью — инфантилами удобней манипулировать. Помню редкие «уголовные» очерки в «Литературке» — и затем обзоры писем, полных благородного негодования, но главное — детского удивления: «Как мог жить среди нас, ходить по нашей земле человек, который взял да и убил свою жену-учительницу? Как это могло случиться?»

Да, вот именно — *никогда так не было, и вот опять так получилось.*

В течение семи лет, еженедельно рассматривая на заседаниях Комиссии по вопросам помилования при президенте России (была такая в России) две с лишним сотни дел, я читала приговоры в связи с преступлениями, про которые, как говорится, никому б не поверила, если б не прочла подробное их описание своими глазами. Мне не хотелось о них рассказывать. Но сейчас не вижу другого пути, чтобы как-то вернуть тех, от кого зависит судьба детей, да и нас всех к тяжелой реальности человеческой жизни — с ее высокими взлетами и ужасными падениями.

Мать перерезала горло двухлетней дочери назло мужу — ей казалось, что он любит девочку больше других детей.

Молодая женщина, которой ее сожитель сказал: «Решишь проблему со своими детьми — буду с тобой жить. Не решишь — не буду», — отвела зимой двоих своих детей, четырех и шести лет, далеко в лес и оставила там. Они все-таки догнали ее, плакали. Она отвела их подальше и сумела убежать. Дети замерзли. Сама она была в это время беременна. Приговор был 15 лет; отбыв 13, она просила освободить ее от дальнейшего отбывания срока. Дома ее ждала двенадцатилетняя дочь. На Комиссии мои коллеги-мужчины стали обсуждать вопрос, пытались вдуматься в психологию детоубийцы. Я предложила не обсуждать вовсе. В виде исключения проголосовать без обсуждения (мы принимали решения прямым открытым голосованием) — поскольку среди нас нет Достоевского, а заглянуть в черные бездны души человеческой дано было разве что ему.

Последние годы все громче голоса чиновников — поставить преграду иностранному усыновлению, поскольку там *убивают наших детей.*

Справа:
Павел
Филонов
Крестыанская
семья.
1914

Люди здравомыслящие (а таких, я верю, всё больше, а не всё меньше в России) должны подать свой голос — за то, чтобы решительно отделить случаи страшных преступлений, требующих необходимых мер, от самой проблемы.

Преступницы должны быть осуждены. Необходимо в каждом случае расследование — были ли упущения в процессе усыновления. Надо ясно отчитаться себе отчет, что были и будут единичные случаи, когда пара приемных родителей была совершенно подходящей, ничего не было нарушено, — но совершилось преступление. Человек нередко не знает до конца себя сам — а мы хотим, чтобы его на 100 процентов распознал чиновник.

Но нельзя закрывать глаза и на следующие факты:

1) в России есть дома ребенка и детские дома, которых *не существует* в таких странах, как Франция, Италия, Израиль, США. Там никто не сомневается в том, что держать маленького ребенка вне семьи — варварство (только в лицо нам этого не говорят, а могли бы). Мы же привыкли к своему варварству, как канныбалы к канныбальству; привыкли к тому, что каждый год в общество входят десятки тысяч юных людей, которых мы сами, все вместе, сделали неполноценными;

2) в настоящее время 260 тысяч детей по нашим правилам может быть в любой момент усыновлено, а силами только российских граждан усыновить, взять под опеку и т. п. их всех невозможно;

3) граждане США вынуждены платить за всю процедуру 22 тысячи долларов, а итальянцы (только что меня уверили в этом собеседники из Италии, знающие цифру от многих знакомых, через это прошедших) — 20–22 тысячи евро; а это означает только и исключительно одно: целое общество в России заинтересовано в том, чтобы иностранцу было страшно трудно усыновить сироту в России, — это сохраняет высокую ставку выплат разнообразным посредникам;

4) каждый раз, когда Дума после очередного происшествия рвет на себя ручку тормоза усыновления, погибают десятки больных детей, которым могли дать нужное лечение только у приемных родителей за границей, но время было упущено;

5) детей старше трех лет в России усыновляют мало — и пугающий Думу (прежде всего госпожу Лахову, которая не устает выступать за патристичное задержание сирот в России) рост иностранного усыновления идет за счет этой возрастной группы — в 2004 году наши усыновили 659 детей от 3 до 7 лет и 359 старше 7 лет, а иностранцы, соответственно, 2297 и 1078, тогда как для детей до года соответствующие цифры составляют 4732 и 2406. А между тем чиновники из разных структур с прошлого года начали требовать, чтобы сирот не отправляли на каникулы за границу, — а то к ним там привязываются и потом добиваются усыновления!

И не могу понять, почему преступление — это новость, а *спасение* ребенка (скольких безнадежных спасли приемные родители!) — нет. Почему не читаем мы о поразительно счастливых судьбах бывших детдомовских детей? Несколькими годами назад я провела день под Нью-Йорком на празднике семей, усыновивших русских детей. Одно из лучших впечатлений жизни.

Тема эта — огромная. Предполагаю к ней вернуться. Пока напоследок лишь сообщу, что 1 октября 2004 года я участвовала в международной научно-богословской конференции «Вера — диа-



лог — общине: проблемы диалога церкви и общества», проходившей в Свято-Филаретовском институте; доклад мой назывался «Дети и ответственность российского общества». Я решила наконец сделать то, о чем думала более десяти лет: предложить образовательное движение под названием «Каждому ребёнку — семью!». Более семисот человек присутствовавших поддержали открытым голосованием предложенный мною текст декларации.

Дальше произошло то, на что я надеялась, — в церковных кругах изучили текст и поддержали его, немного отредактировав. В отличие от Думы с ее ложно-патристическим красноречием, то и дело ставящим преграды иностранному усыновлению, обращение церковно-общественного движения «Каждому ребёнку — семью!» не вводило подобных ограничений.

«Считая право ребенка на полноценную семью преимущественным, полагая, что никто не обеспечит этого права лучше тех, кто с любовью и ответственностью примет ребенка в свою семью, — *в каком бы месте Земли эта семья ни находилась...*» — эти выделенные слова и были для меня самыми важными, как и последующие: «Никакие политические, националистические и другие внешние факторы не должны мешать усыновлению, идущему от любящего, заботливого и ответственного сердца».

Кончалось обращение (оно висит и сейчас на сайте Свято-Филаретовского института sfir.ru) информацией: «Всем, желающим принять участие в этом Движении, предлагаем обращаться к Мариэтте Омаровне Чудаковой по адресу edming@newmail.ru и в случае необходимости по домашнему телефону ее помощницы Татьяны Анатольевны Колосовой: (095) 681-2974. Ни звонков, ни писем пока нет.

Мариэтта Чудакова
(grani.ru, 11.07.2005)

Минуты слабости, годы счастья

Мы рассказывали нашим читателям о Санкт-Петербургском общественном благотворительном фонде «Родительский Мост» и об одноименном журнале, издаваемом им. Вот уже полтора десятилетия Фонд помогает сиротам обрести свой дом, поддерживает родителей приемных детей. На недавней международной конференции «Дети должны жить в семье», проведенной Фондом, звучали и выступления матерей приемных детей

Ольга, приемная мама, Санкт-Петербург:

5 лет назад мы с мужем окончили школу приемных родителей фонда «Родительский мост». Мы хотели взять ребенка из детского дома. В эти же дни нам рассказали историю маленькой девочки, которая остро нуждалась в опеке. Людочке был всего год. Девочка оказалась с целым набором проблем: сильное отставание в развитии, челюстно-лицевые травмы, недостаток веса (она весила всего три с половиной килограмма)... Она не умела стоять, не могла взять в руки яблоко. Тактильные ощущения были развиты очень слабо. Мы решили взять Люду к себе. На тот момент у меня уже было двое собственных детей, и мы посчитали, что, воспитываясь рядом с ними, девочка быстрее придет в норму. Мои кровные дети очень помогли и делами, и поддержкой. Они сразу приняли Люду как родную сестру. Позже у меня родился еще один сын, и теперь сама Людочка — моя первая помощница: моет посуду после завтрака, застилает постели.

Признаюсь, что иногда на меня находят нехорошие ощущения чужеродности Люды. Как наваждение какое-то: вижу ее непохожесть на нас. Но моя старшая дочь очень быстро приводит меня в чувство, заставляя вспомнить, зачем мы ее брали в семью. Думаю, эти минуты слабости естественны и преодолимы, так что будущим приемным родителям не стоит их бояться.

Анастасия, приемная мама, Москва:

Сейчас много негативного говорится о краткосрочном патронате. Мол, родители берут ребенка на время, как бы себя и его проверяют — смогут ли жить вместе. Такое отношение — неверное. Я — та самая краткосрочная мама. И беру детей в семью, чтобы они могли пережить у меня какие-то жизненные трудности. Кому-то нужен кров

на месяц, кому-то на год — я его предоставляю. Безусловно, прощание с каждым ребенком — это боль. Но мы стараемся помнить, что у него есть свои родственники. Например, одна девочка живет у меня, пока ее мама лечит открытую форму туберкулеза. Малышке очень тяжело, так как с родным человеком запрещено даже видеться. А что было бы с девочкой, если бы на время лечения ее отправили в интернат? Краткосрочный патронат — это не возможность подумать для неуверенных родителей. Это один из видов помощи детям. Мне кажется, нужно пропагандировать эту форму приема в семьи. Немного о себе: мать четырех собственных детей, еще двое — под опекой, один на патронате... Называем себя семейной командой.

Галина, приемная мама и специалист по опеке, Санкт-Петербург:

Мы усыновили Андрюшу 12 лет назад, ему тогда было три с половиной года. Сразу скажу, что мальчик нам попался с далеко не простым характером! Но мы с мужем старались окружить его любовью. А он — начал нас испытывать: что он может себе позволить, чего нет. В общем, нервов, конечно, поматал изрядно. Как-то (было это через несколько лет после усыновления) мы в очередной раз что-то ему запретили. А он в ответ заявляет: «Всё, я от вас уйду!» Я совершенно спокойно отвечаю: «Подожди, я тебе хоть сумку с собой соберу». Начиная показательно хлопотать, доставать что-то. Вижу, притих мой упрямец... А потом лег перевернул порог и как завоет: «Никуда я от вас не уйду-у...» В общем, потом пошел молча делать уроки...

Не скажу, что сейчас нам с Андреем легко. До сих пор не можем понять — принял он нас за своих родителей или нет. Подростковый возраст — трудный, проблемный. Но мы стараемся сына понять. Например, разрешили приводить к нам всех друзей и приятелей. Вот сейчас после заседания я пойду домой и, точно знаю, там уже меня ждет гром тяжелого металла, визг, ну, сами понимаете... Впрочем, так и должно быть. Надо терпеть! Мы с мужем все равно ни о чем не жалеем, так как видим, что мы счастливей тех бездетных пар, которые не решились принять в свою семью чужого ребенка.

Материал подготовила
Татьяна Морозова
Сайт Фонда: fostercare.ru
e-mail: foster@solaris.ru,
rodmost@newmail.ru